

На следующий день после выписки Цяо Е начал высматривать подходящий случай.

Он не шутил. Взять что-то у другого человека и не вернуть — из-за такого он ночью спать не мог. Таков уж характер, не переделать. А здесь он получил лекарства Пэй Цзюэ, его кашу и ещё тот взял на себя дежурство Цяо Е. Невнятный долг лежал камнем на груди, а вместе с ним никак не выходил из головы вид Пэй Цзюэ, протягивающего ему миску. Всё это только раздражало.

Ещё сильнее раздражало то, что Пэй Цзюэ вёл себя так, будто вообще ничего не произошло.

На следующий день он пришёл на занятия с обычным холодным лицом, как всегда говорил точно в больное место и всё тем же неторопливым тоном доводил Цяо Е до белого каления. Будто никогда не приносил той каши, не оставлял записки и не говорил: «Долг запомни».

Цяо Е собирался заговорить первым, но слова уже стояли на языке, а подходящего вступления так и не нашлось. В конце концов он проглотил их и решил ждать случая дальше.

Только случай никак не находился. На занятиях не поговоришь — место публичное; стоит произнести «я хочу вернуть тебе долг», и услышит весь класс. Куда тогда девать лицо Цяо Е? В исследовательской группе каждый раз либо рядом были другие люди, либо они с Пэй Цзюэ успевали обменяться двумя фразами и уже спорили из-за несогласия, так что до нужной темы дело не доходило. Однажды Цяо Е даже специально высидел в столовой до появления Пэй Цзюэ, подошёл с подносом к его столику и уже собирался сесть напротив, но Пэй Цзюэ поднял голову и посмотрел на него взглядом «тебе что-то нужно?». Цяо Е замер на три секунды, а потом сам развернулся и ушёл за другой стол.

Как ни крути, именно он, Цяо Е, не мог открыть рот.

Возможность в итоге сама подвернулась под ноги.

В тот день после обеда в комнате исследовательской группы остался один человек.

Пэй Цзюэ стоял у рабочего стола спиной к двери, слегка нахмурившись над комплектом экспериментальных инструментов. Цяо Е пришёл за забытыми записями, скользнул взглядом по столу и замедлил шаг.

На поверхности лежала модель сосудов мелкого животного для отработки анастомоза, рядом — несколько пар уже дважды сменённых перчаток и семь-восемь отрезков испорченной тренировочной нити, небрежно сваленных кучкой. Обычно после Пэй Цзюэ всё оставалось настолько аккуратным, словно было частью выставочной витрины. А эти обрезки он бросил как попало — почти сердито.

Цяо Е скрестил руки на груди и незаметно оглядел стол. Примерно понял, что произошло.

В исследовательской группе дали новое упражнение: наложить сосудистый анастомоз конец-в-бок на модели мелкого животного. У техники была одна сложность: угол введения иглы в зоне анастомоза почти на пятнадцать градусов отличался от стандартного, указанного в учебнике. Движение шло против интуиции и привычной мышечной памяти. Если работать «правильно», по учебнику, натяжение всё время уходило в сторону, а края не совпадали.

Пэй Цзюэ, вероятно, тренировался уже давно и семь-восемь раз подряд не смог получить нужный результат.

Цяо Е ничего не сказал. Сел на соседний стул, отложил записи, достал из коробки шовную нить, заправил иглу, надел перчатки и наклонился над моделью.

— Что ты делаешь? — Пэй Цзюэ повернул голову и наконец заметил его.

— Тренируюсь, — коротко ответил Цяо Е.

Пэй Цзюэ посмотрел на него, промолчал и снова повернулся к модели, продолжая хмуро над ней размышлять.

Цяо Е ввёл первую иглу. Двигался он не быстро, зато точно попал в нужный угол, и края анастомоза совпали уже с первого стежка. Он вывел иглу, перехватил инструмент и продолжил. Во всей комнате слышалось только лёгкое постукивание инструментов о модель.

Он почувствовал на себе взгляд Пэй Цзюэ.

Закончив последний стежок, Цяо Е взял ножницы и чисто обрезал нить у анастомоза, оставив ровно нужную длину. Он знал, что Пэй Цзюэ смотрит, но головы не поднял. Спокойно довёл всю процедуру до конца, отложил инструменты и лишь затем осмотрел готовую модель. Три стежка — и в каждом месте края анастомоза прилегали точно. Это была не удача. Это было настоящее мастерство, накопленное руками на подработках и отточенное десятками повторений с опытным техником; та самая реальная техника, которая пряталась внутри его «дикого», неакадемического пути.

— У тебя немного неправильно стоит рука с пинцетом, — не поднимая головы, сказал Цяо Е. — При таком приёме пинцет надо стабилизировать наружной боковой поверхностью указательного пальца, а не подушечкой. Стоит опереться подушечкой — угол сразу уводит.

Пэй Цзюэ помолчал секунду-другую.

— Я знаю.

— Знаешь? — Цяо Е поднял голову и посмотрел на обрезки испорченной нити. — Тогда то, что у тебя получается, — стандартная учебниковая версия.

Пэй Цзюэ тонко нахмурился и ничего не ответил.

— Давай, сделай один. Я посмотрю. — Цяо Е подвинул к нему модель.

Пэй Цзюэ немного помедлил, взял инструмент и ввёл иглу.

Цяо Е посмотрел, подпёр подбородок и сказал:

— Ты опираешься наружным краем подушечки указательного пальца, а не боковой поверхностью. Разница три миллиметра — и угол уже ушёл. Боковая поверхность — вот здесь. — Он показал нужное место на собственном пальце.

Пэй Цзюэ сделал новый стежок.

На этот раз края анастомоза совпали.

Он отложил инструменты, посмотрел на результат, затем на Цяо Е. Этот взгляд отличался от всех прежних. Раньше в глазах Пэй Цзюэ неизменно пряталась уверенность: «ничего особенного ты собой не представляешь». Теперь в ней появилась тонкая трещина, а через неё проступило то, чего он явно не ожидал, — серьёзная переоценка человека перед ним.

— Где ты этому научился? — неторопливо спросил Пэй Цзюэ.

— На подработке попался старый техник, от нечего делать научил. — Цяо Е положил инструменты на место и хлопнул ладонями. — Дикая техника, в приличном обществе не покажешь. Но пользоваться можно.

Пэй Цзюэ не ответил.

Цяо Е поднялся, взял записи, ради которых пришёл, и направился к выходу. Проходя мимо Пэй Цзюэ, он на мгновение остановился.

— Всё, теперь мы квиты, — сказал он. — Тот долг списан.

И не дожидаясь ответа Пэй Цзюэ, вышел.

В коридор косо падал тёплый золотистый свет заката. Было тихо. Цяо Е зажал записи под мышкой и зашагал гораздо легче: непонятная тяжесть в груди наконец рассеялась больше чем наполовину. Оказалось проще, чем он думал. Он ожидал, что возвращать долг будет неловко и мучительно, а в итоге — один приём, одна фраза «мы квиты», и всё чисто. Больше ничего говорить не понадобилось. Он поднял голову и взглянул в окно.

С запада уже понемногу наплзали тяжёлые тучи, низко нависая над горизонтом, словно копили большой ливень.

Цяо Е подумал и не стал возвращаться за зонтом. В его жизни бывали вещи куда тяжелее грозы.

В комнате исследовательской группы Пэй Цзюэ всё ещё стоял на прежнем месте. Посмотрел на аккуратный анастомоз на рабочем столе, затем на несколько испорченных нитей рядом и долго молчал.

Где-то в груди что-то едва шевельнулось. Не удивление, не потрясение — просто медленное, почти невесомое ощущение, будто внутри что-то чуть-чуть сдвинулось со своего прежнего места.

Он ещё немного постоял.

Всю жизнь Пэй Цзюэ учился сам, разбираясь во всём до конца. Просить совета у других он не привык и никогда не считал нужным. Но то, что только что передал ему Цяо Е, было не знанием и не техникой — это был живой, настоящий опыт, о котором не рассказывала ни одна из бесчисленных прочитанных им книг. Пэй Цзюэ вдруг вспомнил ошеломлённого Цяо Е на больничной койке, его упрямое: «Я, Цяо Е, чужое просто так не беру», — и пальцы с тонкими мозолями, освещённые фонарём после смены на доставке.

Он собрал обрезки нитей один за другим, аккуратно сложил их стопкой и отодвинул к краю стола.

А затем наклонился, взял инструменты и с самого начала, стежок за стежком, снова начал отрабатывать этот приём.

<http://bllate.org/book/21871/2271023>